

участников образовательных отношений: социально-психологический аспект // Интеграция образования. – Т. 23. – № 2. – 2019. – С. 232–246.

14. Inoguchi T., Le L.T.Q. Global Citizens' Preferences for Value Orientation. In: The Development of Global Legislative Politics // Trust (Interdisciplinary Perspectives). – vol. 3. – Springer, Singapore. – 2020. – pp. 25–31.

15. Knutsen O. Socio-structural Variables and Value Orientations. In: Social Structure, Value Orientations and Party Choice in Western Europe // Palgrave Studies in European Political Sociology. – Palgrave Macmillan, Cham. – 2018. – pp. 59–110.

16. Livazović G., Matic M. Sociodemographic characteristics and value orientations in adolescence // Curr Psychol. – 2018.

17. Roest A. C., Dubas J. S., & Gerris J. M. Value Transmissions between Fathers, Mothers, and Adolescent and Emerging Adult Children: The Role of the Family Climate // Journal of Family Psychology. – 2009. – № 23. – P. 146–155.

18. Schwartz S. H. Cultural and Individual Value Correlates of Capitalism: A Comparative Analysis // Psychological Inquiry. – 2007. – Pp. 52–57.

С. Е. Черная

УДК 159.9:316.6

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ИЗУЧЕНИИ МАРГИНАЛЬНОСТИ: ВСЕ ДАЛЬШЕ ОТ ПСИХОЛОГИИ

Отцы-основатели концепции маргинальной личности Р. Э. Парк [1], а затем Э. Стоунквист [2] рассматривали маргинальность

исключительно в социокультурном аспекте, полагая, что «маргинальный человек» (marginal man) – это определенный тип личности с характерными формами поведения. По разным причинам «маргинальный человек» оказывается на периферии двух или более культур и (опять же по разным причинам) не способен полностью включиться ни в одну из них. Основаниями для пребывания в маргинальной ситуации (маргинальном статусе, как принято говорить сейчас) в начале XX века могла быть расовая или этническая неоднородность происхождения – «расовые гибриды»: евразийцы Индии, «цветные» в Южной Африке и на Ямайке, мулаты в Соединенных Штатах, индоевропейцы о. Ява, смешанное население Бразилии и проч.). Либо «культурные гибриды», например, мигранты, пока они не интегрировались в принимающую культуру, либо не ассимилировались. Это могут быть и люди, формально поменявшие статус и вознесенные социальными лифтами вверх – парвеню, или теми же социальными лифтами деклассированные, низвергнутые, однако, независимо от направления социальной мобильности, не сумевшие приспособиться к новой социальной или социокультурной ситуации и «как бы», «фантомно» и отчасти пребывающие в прошлой жизни.

Р. Э. Парк отмечал не только наличие культурного контакта, но и культурного конфликта в появлении этого типа личности. Маргинальный человек, по Парку, – тот, кого судьба осудила жить в двух обществах и в двух не только разных, но антагонистических культурах. Этот антагонизм существовал дважды – в общественных отношениях и на уровне индивидуальной личности, вне и внутри маргинального человека. С одной стороны, он был продуктом культурных конфликтов, вызванных завоеванием, вторжением и миграцией. В раннем описании глобализации Парк предположил, что «огромное расширение Европы за последние четыреста лет» принесло повсюду взаимопроникновение народов и слияние культур и в маргинальном человеке отражен «тип личности, если не полностью новый, то во всяком случае, особенно характерный для современного мира».

Таким образом, он был «эффектом империализма» и «проявлением процесса, посредством которого цивилизация растет за счет более ранних и более простых культур» [1, с. 20]. С другой стороны, маргинальный человек сам был микрокосмом культурного контекста, который в его сознании появился как «конфликт» разделенного «я», старого и нового «я» [Там же].

Цель статьи в систематизации новых тенденций в изучении феномена и феноменологии маргинальности, причин и условий маргинализации, а также в построении оригинальной типологии маргинальности, основанной на анализе восприятия человека или группы, отношения к личности или группе в связи с существованием различных по масштабу и содержанию культурных пространств.

В настоящее время проблемное поле исследований, посвященных маргинальности и маргинализации, значительно расширилось и в то же время сместилось в сторону социально-политических, экономических, географических, экологических и иных изысканий. Во-первых, потому что эмпирические исследования становятся все более межмульти- и трансдисциплинарными. Во-вторых, в связи с тем, что для теоретико-методологического обоснования таких исследований необходимо более емко и разнопланово концептуализировать само понятие и феноменологию маргинальности. В частности, разделить понятия дискриминация и маргинализация, которые в современных исследованиях неправомерно сближены, а также хотя бы отчасти вернуться к классическому пониманию маргинальности, включающему и личностное измерение, то есть, психологизировать это понятие. Новая типология маргинальности является основанием для разработки в перспективе специального диагностического инструментария, позволяющего в ходе эмпирического исследования определить сходства и различия в переживании состояния маргинальности людьми, находящимися внутри различных по масштабу и характеру культурных пространств.

В мире одновременно и диалектически происходят процессы глобализации и глоба-

лизации (в крайних проявлениях это культурный и экономический изоляционизм, провинциализм, политический сепаратизм). Вероятно, в большей части мира в настоящее время преобладают процессы глобализации. И если в какой-либо стране и/или сфере общественного бытия проявляются противоположные тенденции, то эти процессы воспринимаются как маргинальные, а люди, приверженные такому, протестному, по существу, движению, воспринимаются как маргиналы. Напротив, в тех немногих странах, где мейнстримом является возвращение к корням, традициям, преобладает негативное отношение к унификации во всех или некоторых сферах жизни. Адепты глобализации подвергаются остракизму и вполне могут обрести маргинальный статус в восприятии большинства.

Таким образом, речь может идти о мощной субъективизации понятия маргинальность, поскольку:

а) те, к кому применяется этот негативно окрашенный ярлык, могут совсем не чувствовать себя таковыми и не переживать психологических проблем, свойственных маргинальной личности;

б) процессы и явления, которые считаются маргинальными (с соответствующей коннотацией) одними, могут восприниматься другими абсолютно иначе.

В определениях и описаниях процесса и феномена маргинальности практически полностью игнорируется личностное измерение. Основной акцент делается на социально-экономические, политические, культурные и другие факторы, обуславливающие пребывание человека, либо группы в маргинальной ситуации. Даже сопротивление маргинальной ситуации или маргинальному статусу подается как всеобщий социальный феномен, а не личностное или групповое достижение, детерминируемое субъектностью личности или группы.

В последнее время маргинальность все чаще концептуализируется как исключенность, отверженность, более того, определяется уязвимостью одних людей, групп, культур, в сравнении с другими. Маргинализированные люди или группы – это те, кто

социально, экономически, политически и юридически проигнорирован, исключен или пренебрегаем и поэтому они уязвимы и обездолены [7; 13; 14]. По определению, им свойственна борьба за доступ (социальный и пространственный) к ресурсам и полному участию в общественной жизни [4; 5; 8; 14].

На наш взгляд, последнее утверждение не совсем верно, потому что ресурсов для такой борьбы может и не быть, включая веру в такую возможность, мотивацию к борьбе и проч. Например, в ситуации перехода от конфигуративной культуры к префигуративной, что наблюдается сейчас в современных обществах, происходит маргинализация пожилых людей. Причем, даже в тех сообществах, в которых на уровне ценностных ориентаций и традиций всегда существовало почитание старейшин и стремление опереться на их опыт. Конечно, эйджизм – это форма дискриминации, но в психологическом смысле эйджизм вполне можно назвать и маргинализацией, поскольку психическое состояние многих пожилых весьма противоречиво: с одной стороны, возможная фрустрированность, так как они адекватно воспринимают свой паспортный возраст (определяемый социумом как предпенсионный, пенсионный или «возраст дожития» – вполне официальный термин), и это грустно, с другой – они чувствуют себя вполне молодыми людьми с соответствующими желаниями, а зачастую и возможностями. В особенности, если состояние здоровья не препятствует такому самовосприятию. При этом весьма болезненно переживаются социокультурные стереотипы, в соответствии с которыми их пытаются исключить из конкурентных ситуаций: в практике трудоустройства и занятости, в системе социальных коммуникаций (к примеру, в до сих пор непреодоленной ситуации пандемии – это прямое игнорирование и исключение, отчасти маскируемые заботой). Вообще, показательно, как на личностном уровне чувствуются противоречия, характерные для маргинальности как особого состояния в ситуациях возрастных переходов. Одно из ключевых переживаний, свойственных подросткам, – это «чувство взрослости», то есть самовосприятие и самоотношение к себе как

к взрослому и, в то же время понимание, что взрослые воспринимают тебя как ребенка и в связи с этим – стремление протестовать, но одновременно и сомнения относительно своей взрослости. Конечно, это не новость, что ситуации перехода из детства во взрослость, из юности и молодости – в зрелость и, затем – в старость предполагают не одномоментность, а именно процесс с вероятной промежуточной фазой, по содержанию переживаний соответствующей состоянию маргинальности. Можно пойти и дальше в этих размышлениях и представить любые кризисные состояния как переходные: человек еще переживает определенное психическое состояние, но в какой-то мере уже готов к другому или отчасти в нем находится. Вроде цыпленка, который почти вылупился из яйца, но частично еще там. Возможно, сравнение с кенгуренком будет более точным.

Маргинальность чаще всего определяется и описывается в рамках социального и пространственного подходов.

Социальный подход фиксируется на соответствующих компонентах ущербности, недостатка, исключенности маргинальных личностей и групп относительно доступа к ресурсам и процессам принятия общественно значимых решений. Это дискриминация по демографическим, этническим, культурно-языковым, социально-политическим и экономическим основаниям.

Акцент делается на понимании основных причин неравенства, социальной несправедливости, бедности и нищеты [5; 9].

Пространственное измерение маргинальности в основном основано на особенностях местоположения (географическая или физическая маргинальность), состоянии природных ресурсов и расстоянии от центров современной цивилизации или плохо скоординированных с такими центрами (географическая или физическая маргинальность) [9; 10]. У людей и групп, проживающих в некоторых регионах или районах, просто нет доступа к ресурсам.

Впрочем, в литературе приводятся примеры, когда подобные «маргинальные» регионы становятся центрами, например, туризма

(как Непал) «с гораздо лучшим доступом к базовым инфраструктурам и услугам (здравоохранение, связь, образование и транспорт), чем большинство других горных районов страны» [12].

Как и всякое социальное явление, маргинальность таит в себе амбивалентность в континууме пространство-время (прошлое-настоящее-будущее).

Маргинальность рассматривается как «многомерное явление в том смысле, что конкретный человек может быть одновременно интегрирован с одним или несколькими центрами, будучи маргинальным относительно одного или нескольких других центров» [3]. К примеру, он может быть гражданином развитой и преуспевающей страны, но, в то же время быть там представителем этнического или религиозного меньшинства.

Быть маргинальным означает находиться на границе одной или нескольких социальных или пространственных систем при недостатке ресурсов или возможностей изменить эту маргинальную ситуацию. А вот что понимать под ресурсами и возможностями зависит от научной дисциплины, теорий, концепций и моделей. В экономике речь может идти о ресурсах государства или международных организаций, в политике – о возможностях преобразований политической системы, трансформаций во властных структурах и проч.

Полагаем, что в рамках психологии – это ресурсы и возможности личности или группы. То есть характеристики, свойства, качества личности или группы (групповой фаворитизм, сплоченность, субъектность, склонность к риску и другие свойства группы или групповые феномены).

Новая типология маргинальности может строиться на основании анализа восприятия человека или группы, отношения к личности или группе в связи с существованием различных по масштабу и содержанию культурных пространств:

1. Планетарное культурное пространство, т. е., все человечество. Есть признанные множеством людей – представителей разных культур – мифические или реальные злодеи, кото-

рым культурные традиции, мифы, религия, история или молва отказывают в признании их людьми. Они как бы за гранью добра, но при этом формально принадлежат к человеческому роду, «перемещаясь» в антагонистическом пространстве бинарной оппозиции «люди»–«нелюди». Это, например, библейские злодеи: Каин, братя Иосифа, жители Содомы, фараон исхода, Аман, Голиаф, Ахав, Иезавель, Иуда Искариот, Ирод... Персонажи, чьи имена стали нарицательными в ситуациях, когда приводятся примеры воплощенного в лицах зла, есть, разумеется, в любой мифологии или религии, в любом эпосе. Кстати, в истории человечества маргинальными могли быть и являются не только персоналии, но и группы. Например, в средневековой Европе такими группами были проститутки, сексуальные меньшинства, еретики, прокаженные, ведьмы, евреи [11]. В Новый и Новейший периоды истории, а также в некоторых современных обществах таких примеров ничуть не меньше.

Маргинальность исторических и/или мифических злодеев условна, что еще более подчеркивает суть этого понятия. Составляемые ныне рейтинги реальных персонажей весьма разнообразны, а некоторые злодеи даже воспринимаются теми или иными слоями общества, адептами определенных идеологий и политических групп амбивалентно: мол, сделали и кое-что хорошее (или больше хорошего, тогда они просто герои): Чингисхан, Гитлер, Сталин, Мао Цзедун, Пол Пот, Аттила, Великий инквизитор Томас Торквемада, Калигула, Нерон, Герострат, Иван Грозный и проч.

Речь идет о маргинальности как о психологическом феномене, а не о реальности. О восприятии и отношении, а не о социальных, политических или экономических маркерах маргинального статуса. Понятно, что Иван Грозный или Калигула не были маргиналами ни в своем собственном восприятии, ни в восприятии современников. Они не утратили социальных связей со своей группой, не обнищали и не выпали из системы, напротив, стояли во главе системы. Повторюсь, марги-

социальных связей со своей группой, не обнищали и не выпали из системы, напротив, стояли во главе системы. Повторюсь, маргинальность, в данном случае – это эпифеномен исторического диагноза или, по крайней мере, исторической, моральной, политической интерпретации, которая определяет место злодеев на границе человеческого и нечеловеческого.

2. Культурное пространство государства или политической нации. Здесь злодеями полагают уже названных вселенских и исторических, но некоторые считаются своими, и есть еще настолько свои, что они неизвестны или малоузнаваемы за пределами определенного государства. Например, преступники, чья злая слава не вышла за границы собственной страны. В Советском Союзе или России – Чикатило и прочие маньяки и убийцы. Есть так называемые маргинальные политики, хотя это звание, конечно, непостоянно и маргинальный статус может плавно перейти в положение элитного политика. Например, В. В. Жириновский многими воспринимался в 90-ые годы именно как маргинальный политик, однако последние десятилетия он вполне успешный лидер парламентской партии и вице-спикер Государственной Думы. А Э. Лимонов до самой смерти в марте 2020 считался маргинальным политиком. В Европе прослеживается тенденция перемещения правых партий из маргинального статуса в политическую элиту – теперь они входят в парламенты.

3. Культурное пространство этнической или религиозной/конфессиональной общности, а также субкультурных, профессиональных и иных сообществ, групп.

Представители этнических меньшинств, как недавних мигрантов, так и преодолевших этот статус за многие годы проживания на территории этнического большинства или «гигульной нации» могут быть дискриминируемы в ряде сфер жизни: общественных, экономических. Но при этом занимать свою нишу в других сферах и совсем не чувствовать себя отверженными. Например, успешно развивать частную торговлю, общественное

питание или транспортное сообщение, быть строителями или дворниками и признаваться необходимыми и полезными членами общества. И не чувствовать себя маргиналами. Особенно, если социальные лифты дают возможность следующим поколениям перемещаться по горизонтали или вертикали (вверх, разумеется).

Особый случай – субкультурные группы или отдельные лица, к ним принадлежащие (с соответствующей идентичностью) или отнесенные к таким группам другими (независимо от идентичности). Например, представители касты неприкасаемых в индуистских обществах (далиты), отдельные банды/бандиты, наркодилеры, трансгендеры, некоторые этнические группы (ромы) или религиозные сообщества (определяемые каноническими конфессиями как секты) могут быть финансово состоятельными и психологически самодостаточными, но при этом их могут стигматизировать и, тем самым – маргинализировать.

Индикатором маргинальности могут быть идеологические убеждения и политические предпочтения. Например, в молодежной среде маргинальными нередко считаются идеологические догматы коммунизма в совокупности с соответствующей политической ангажированностью или, напротив, праворадикальные взгляды. Происходит это потому, что большинству присущи либо политическая пассивность и электоральный абсентеизм, либо стремление поддержать противостоящие властным и провластным силам новые политические движения, в основе которых не столько программа конструктивных преобразований («слева» ли, «справа» ли), сколько жесткая критика любых властных структур, решений и действий: за новое и острое, против всего старого и тупого! Надо признать, что такой подход более характерен для столицы и некоторых мегаполисов, а для провинции и небольших поселений – менее.

4. Культурное пространство родового или семейного клана, отдельной семьи.

В этом случае маргинальность также является пограничием между признанием своего, родного и констатацией его непригодно-

сти, плохости. Здесь могут быть, по крайней мере, два варианта причинности и проявленности маргинальности. Во-первых, это отвержение со стороны рода, клана, семьи: «Паршивая овца все стадо портит» (английский вариант «There is a black sheep in every flock (family)» – «Черная овца есть в каждом стаде (семье)»).

Во-вторых, бывают ситуации, в которых (или в результате которых) человек разочаровывается в семейных (родовых, клановых) ценностях, установках и поведенческих паттернах. Здесь речь идет о формировании так называемой негативной идентичности и соответствующем процессе самоотторжения от семейной системы: весьма болезненном, насыщенном противоречивыми переживаниями и метаниями.

Относительно изучения маргинальности отмечаем следующие тенденции:

1. Глобализационные процессы, преобладающие в разных регионах мира, определяют отношение их жителей к сторонникам противоположного процесса глокализации как из других регионов, так и к своим соотечественникам: они маргиналы, сопротивляющиеся прогрессу. В регионах, где мейнстримом является возвращение к традициям, негативное отношение к их нивелированию, унификации потребностей и ценностей во вселенском масштабе, то есть сопротивление глобализации, ее сторонники так же воспринимаются маргиналами. Причем, в последнем случае – еще и предателями.

2. Происходит субъективизация понятия маргинальность: процессы и явления, которые воспринимаются и признаются одними людьми как маргинальные, другими не считаются таковыми, а маргинализируемые люди могут совсем не чувствовать себя таковыми и не переживать характерных для этого психического состояния проблем.

3. Сильна и устойчива тенденция в определениях и описаниях процесса и феномена маргинальности практически полностью избегать или игнорировать личностное измерение, в частности, личностные детерминанты маргинальности как психического состояния. Основной акцент делается на социально-эко-

номические, политические, культурные и другие факторы, обуславливающие пребывание человека, либо группы в маргинальной ситуации.

4. Все чаще маргинальность концептуализируется как исключенность, отверженность, определяется уязвимостью одних людей, групп, культур, в сравнении с другими. Таким образом, игнорирование личностного измерения, то есть психологического состояния, переживаний людей, нередко приводит к тому, что дискриминация принимается, описывается и анализируется как маргинализация или дискриминируемые люди и группы автоматически полагаются маргинальными.

5. В современных обществах происходит достаточно резкий переход от конфигуративной культуры к префигуративной, что ведет к эйджизму как форме дискриминации пожилых людей. Психологическим содержанием такой дискриминации может быть маргинализация, если она переживается как противоречие между фрустрированностью, связанной с самовосприятием своего возраста, статуса и ощущением не соответствующих им, с точки зрения социума, своих желаний, возможностей.

6. Противоречия, глубоко переживаемые людьми и характерные для возрастных кризисов и переходов, являются маркером маргинальности, поскольку личность находится одновременно в границах двух или более психических состояний.

7. Маргинальность чаще всего определяется и описывается в рамках социального и пространственного подходов. Последний позволяет выстроить типологию маргинальности на основании анализа восприятия человека или группы, отношения к личности или группе в связи с существованием различных по масштабу и содержанию культурных пространств: планетарного, пространства государства или политической нации, этнической или религиозной/конфессиональной общности, субкультурных, профессиональных и иных сообществ, групп, родового или семейного клана, отдельной семьи.

8. Данная типология в перспективе может быть дополнена оригинальным диагно-

стическим инструментарием, позволяющим определить сходства и различия в переживании состояния маргинальности людьми, находящимися внутри различных по масштабу и характеру культурных пространств.

АННОТАЦИЯ

Первоначальные трактовки и направления изучения маргинальности и маргинализации сопоставлены с современными подходами и определено, что происходит явное смещение исследовательского интереса в сторону социально-политических, экономических, географических, экологических и иных изысканий. Фиксируется меж- мульти- и трансдисциплинарность в исследовательских подходах, тенденция к субъективизации понятия маргинальность, зачастую практически полностью игнорируется личностное измерение. Аргументируется необходимость вернуться к психологизации в изучении феноменологии маргинальности.

Предложена типология маргинальности, построенная на основании анализа восприятия человека или группы, отношения к личности в связи с существованием различных по масштабу и содержанию культурных пространств.

Ключевые слова: маргинальность, дискриминация, глобализация, глокализация, субъективизация, психологизация, культурные пространства.

SUMMARY

The initial interpretations and dimensions of studying marginality and marginalization are compared with modern approaches. It is determined that there is a clear shift in research interest towards socio-political, economic, geographic, environmental and other studies. In the research approaches, inter-multi- and transdisciplinary is found. A tendency towards subjectivization of the concept of marginality is exposed, while the personal dimension is often almost ignored. The need to return to psychologization in the study of the phenomenology of marginality is reasoned. A typology of marginality is proposed. It is built on the basis of the analysis of the perception of a person or a group, and on the basis of the analysis of the attitudes towards a personality in connection with the

existence of cultural spaces that are different in scale and content.

Key words: marginality, discrimination, globalization, glocalization, subjectivization, psychologization, cultural spaces.

ЛИТЕРАТУРА

1. Парк Р. Избранные очерки: сб. переводов. – М., 2011. – 320 с
2. Стоунквист Э. В. Маргинальный человек: Исследование личности и культурного конфликта // Личность. Культура. Общество. – М., 2006. – Т. 8, Вып. 1. – С. 9–36.
3. Dunne R. J. Marginality: A Conceptual Extension // Marginality, Power, and Social Structure. – Elsevier, Oxford, 2005. – Vol 12. – P. 11–28.
4. Anderson J., Larsen J. E. Gender, Poverty and Empowerment [Электронный ресурс] // Critical Social Policy. – 1998. – 18 (2). – P. 241–258. – URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/Gender%2C-poverty-and-empowerment-Andersen-Larsen> (дата обращения: 6.04.2021).
5. Brodwin P Marginality and subjectivity in the Haitian Diaspora [Электронный ресурс] // Anthropol Q. – 2003. – № 76 (3). – P. 383–410. – URL: https://docviewer.yandex.ru/view/0/?page=1&* (дата обращения: 6.04.2021).
6. Gatzweiler Franz W. [и др.]. Marginality: Addressing the Root Causes of Extreme Poverty [Электронный ресурс] // ZEF Working Paper Series. – 2011. – 19 p. – URL: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/88402/1/772782253.pdf> (дата обращения: 6.04.2021)
7. Larsen J. E. Who Cares about and for Marginal People? [Электронный ресурс] // Danish Social Science Research Council. – November 23, 2004. – 20 p. – URL: www.ihis.aau.dk/gep/publicationer/nr3.pdf (дата обращения: 6.04.2021)
8. Davis B. Marginality in a Pluralistic Society. Eye On Psi Chi [Электронный ресурс] // The International Honor Society in Psychology. – 2 (1). – P. 1–4. – URL: http://psichi.org/pubs/articles/article_145.asp (дата обращения: 6.04.2021).
9. Ghana S. Gurung, Kollmair M. 2007. Marginality: Concepts and their Limitations [Электронный ресурс] // NCCR North–South Dialogue. – Bern, Switzerland: NCCR North–South. – No 12. – 24 p. – URL: https://www.nccr-north-south.unibe.ch/Upload/Gurung_

10. Kollmair Dialogue_12.pdf (дата обращения: 6.04.2021).

11. Leimgrube W. Between Global and Local: Marginality and Marginal Regions in the Context of Globalization and Deregulation [Электронный ресурс]. – Ashgate Publishing Limited, GowerHouse, England, 2004. – 321 p. – URL: <https://doi.org/10.4324/9781351162722> (дата обращения: 6.04.2021).

12. Marginality and Community in Medieval Europe: A project designed by the History 84 students at Kenyon College [Электронный ресурс]. – URL: <https://www2.kenyon.edu/projects/margin/margin.htm> (дата обращения: 6.04.2021).

13. Müller-Böker et al. Hani Nepali? Belonging in Nepal and Nepali Diaspora [Электронный ресурс] // Nepali Diaspora in a Globalised Era. – Routledge, 2016. – P. 40–54. – URL: https://www.researchgate.net/publication/293632070_Hani_Nepali_Belonging_in_Nepal_and_Nepali_Diaspora (дата обращения: 6.04.2021).

14. Perlman J. The Metamorphosis of Marginality: Rio's Favelas 1969 – 2002. Paper presented to World Bank Conference – May 2, 2002. – 36 p. – URL: <https://docviewer.yandex.ru/view/> (дата обращения: 6.04.2021).

15. Sommers [и др.]. Towards Typologies of Socio-Economic Marginality: North/South Comparisons [Электронный ресурс] // Marginality in Space – Past, Present and Future: Theoretical and Methodological Aspects of Cultural, Social and Economical Parameters of Marginal and Critical Regions. – England: Ashgate Publishing Ltd, 1999. – P. 7–24. – URL: https://www.researchgate.net/publication/332278697_Towards_typologies_of_socio-economic_marginality_NorthSouth_comparisons (дата обращения: 6.04.2021).

НАШИ АВТОРЫ

